

народу, доходить до него, с тем, чтобы «провоцировать» его на собственное творчество. «Искусство для избранных, утонченных, просвещенных, — утверждает Унамуно, — это не искусство. Зимней ночью, когда лишенные крова дети мерзнут на улице, идти куда-то исполнять произведения классической музыки — это значит не чувствовать музыки, показывая свою глухоту к страшным социальным диссонансам»²⁶.

Свое понимание личности русского писателя Унамуно раскрывает в статье «Эгоизм Толстого» (1915). В свойственной ему манере парадоксально заострять мысль, Унамуно доказывает, что Толстой был эгоистом, но эгоистом в высшем смысле слова: «Тот, кто жертвует своим „я“ служению другим, человечеству, имеет право с силой и яростью защищать свое „я“ во имя других»²⁷. По Унамуно, эгоизм Толстого — это стремление к самоусовершенствованию, гордость достигнутым и непрестанная борьба за усовершенствование рода человеческого — черты, близкие испанскому писателю.

Как видим, влияние Толстого на Унамуно было глубоким, продолжительным, разносторонним и в высшей степени плодотворным.

---

²⁶ *Unamuno M. de. Obras completas, t. VIII, p. 575.*

²⁷ *Unamuno M. de. De esto y aquello, t. 3. Buenos Aires, 1953, p. 436.*